

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-36-45

УДК 341.231(045)

ЗАПРЕЩЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ*

Мелешкина Елена Юрьевна, д-р полит. наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН;
профессор МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия
elenameleshkina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов в посткоммунистических странах. Выявляется влияние на этот процесс различных условий: вхождение в состав СССР или Российской империи, опыт самостоятельной государственности в XX в., членство в Европейском союзе, отсутствие доминирующего политического актора и ресурсов для поддержания его доминирования, популярность партии – «преемницы» коммунистической, радикализм институциональных реформ. Рассматривается также влияние изменений международной среды, в том числе отношений с Россией. Дается типология стран, запретивших коммунистическую символику, сформированная на основе различных сочетаний условий.

Ключевые слова: политика памяти; посткоммунистические страны; коммунистические символы; формирование нации; декоммунизация

THE PROHIBITION OF COMMUNIST SYMBOLS IN POST-COMMUNIST COUNTRIES**

Meleshkina E. Yu.,

Dr Sci. in Political Sciences, Head of Political Science Department, INION RAS;
Professor of the MGIMO(University) under The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russia
elenameleshkina@yandex.ru

Abstract. The article focuses on communist symbols bans in post-communist countries. The author highlights the influence of various conditions such as existence as a part of USSR or Russian empire, the experience of independent state-building in XX century, membership in European Union, lack of dominant political actor and resources for his long domination, the popularity of successor parties, the radicalism of institutional reforms. The analysis also accounts associated impacts of international environment and relations of post-communist countries with Russia. Based on a combination of various conditions, the author develops a typology of post-communist states where communist symbols have been banned.

Keywords: memory politics; post-communist countries; communist symbols; nation-building; de-communisation

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

** The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation (project № 17–18–01589) at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

Прошло больше 20 лет после падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Несмотря на ряд сходных черт в начале нового пути, обусловленных коммунистическим прошлым, эти государства сейчас отличаются по ряду характеристик. Различие траекторий развития во многом связано с проводимой в этих странах политикой по формированию новой идентичности, в которой переосмыслению, созданию новых трактовок и образов прошлого как одному из средств конструирования и консолидации нации стало придаваться особое значение. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку зрения на мир» [1]. Соответственно соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, официальная политика памяти во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

Исторический опыт бывших коммунистических стран, специфика их посткоммунистического развития, актуальность вопросов формирования нации и государств активизировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских или государственных и иных критериях либо, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному государству с его территорией и институтами, второй — на иных, альтернативных ему основах. «Контргосударственный» вариант получил определенное распространение на территориях бывших коммунистических стран. В их границах развиваются не только трактовки нации, основанные на этнических критериях, но и иные подходы, которые также в некоторых случаях можно отнести к «контргосударственным», в частности создающие и использующие ностальгические образы и символы бывшей коммунистической эпохи.

В этом контексте так называемые законы о декоммунизации могут рассматриваться как меры преодоления символического и институционального наследия прошлого. Однако, помимо этого, они являются важным инструментом политического соревнования.

Их специфика, история принятия и реализации позволяет судить об особенностях «по-

литики памяти» в той или иной стране и сделать предположения о характеристиках этой политики, объединяющих некоторые страны в типологические группы.

В данной статье рассматриваются не все законы о декоммунизации, а лишь принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов. В работе выявляется влияние на этот процесс различных факторов, дается типология стран, запретивших коммунистическую символику.

ПРИНЯТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ О ЗАПРЕТЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

Принятие законов о запрете коммунистической символики произошло не во всех посткоммунистических странах, а только в восьми (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Молдова, Грузия, Украина и Болгария) и в одной (Эстония) соответствующие законодательные нормы были одобрены в первом чтении в парламенте¹. В некоторых других странах (например, в Албании, Чехии и Словакии) были приняты законы, запрещающие тоталитарную идеологию и ее символы, однако специального упоминания коммунистической идеологии и ее символов в этих документах нет, поэтому мы их не включаем в группу государств, где был введен специальный запрет на коммунистические символы.

Помимо уникальных страновых условий, на этот процесс повлияло изменение международной ситуации. Из стран, которые ввели запрет на коммунистическую символику, только в двух (в Венгрии и Латвии) соответствующие законы были приняты сразу после свержения коммунистического режима. В остальных государствах данный запрет ввели позже, что было связано с изменением характера политики памяти, который произошел во многих посткоммунистических странах в середине–второй половине 2000-х гг. Н. Копосов связывает это с рядом факторов, среди которых усиление популярности крайне правых в Европе, вступление ряда посткоммунистических стран в Европейский

¹ По причине успешного прохождения законодательных норм в парламенте в первом чтении мы также условно включили Эстонию в группу стран, запретивших коммунистическую символику. Бывшую ГДР, где был введен запрет на коммунистическую символику, мы, напротив, не рассматриваем в нашем исследовании по причине объединения ГДР и ФРГ в единое государство.

союз, консолидация политического режима в России, российской внутренней (включая политику памяти) и внешней политики (в том числе усиление вмешательства во внутренние процессы соседних стран, в первую очередь — Украины) [2]. И действительно, в новых условиях в середине 2000-х гг. активизировались споры о прошлом между Россией, Украиной, странами Балтии и Польшей. Эти «войны памяти» способствовали формированию нового климата отношений внутри стран Восточной Европы, между государствами и в регионе в целом, что не могло не сказаться на политических решениях.

Симптоматично, что характер принимаемых законов относительно запрета коммунистической символики во второй половине 2000-х гг. и в последующее десятилетие был строже. Новые законы или поправки включали в себя больше ограничений или санкций за нарушение норм. Это согласуется с выводами Н. Копосова об общем характере эволюции в отношении к «законам памяти» как инструменту «политики памяти» в середине второй половине 2000-х гг. Изменения касались не только географического распространения этих законов (в основном в странах, граничащих с Россией), но и их модели. В них более отчетливо прослеживалась идея виктимизации соответствующих стран и их населения, а также криминализации отрицания преступлений не только фашистского режима, но и коммунистического [2].

Первой страной, которая ввела запрет, была Латвия. Там коммунистическая символика была запрещена в 1991 г. Произошло это на фоне событий переходного периода, когда советский режим на территории государств Балтии был признан оккупационным, а его символы — проводниками и символами идеологии коммунизма и тоталитарной власти. Законодательные нормы предусматривали штраф либо 15 суток ареста.

В первоначальном виде запрет не распространялся на праздничные мероприятия. В 2013 г. Сейм Латвии ввел поправки к законодательству, которые запрещают, за некоторыми исключениями, использовать советскую и нацистскую символику на публичных праздничных, памятных и развлекательных мероприятиях.

Венгрия — вторая страна, где коммунистическую символику запретили после смены режима,

в 1993 г. В 2000 г. в стране было введено уголовное наказание за использование коммунистической символики (серп и молот, красная звезда). Практика применения этой нормы вызвала возражения Европейского суда по правам человека, который в 2008 г. осудил Венгрию за уголовное наказание заместителя главы Рабочей партии. Это решение было отменено Европейским судом по правам человека (http://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/europ_practice22/). Конституционный суд страны признал эти нормы неконституционными (<https://blogs.wsj.com/emerging europe/2013/02/20/hungary-court-annuls-ban-on-fascist-communist-symbols/>). В апреле 2013 г. была принята новая редакция закона в соответствии с решением Европейского суда по правам человека.

В других странах запрет на коммунистическую символику относится к концу 2000-х — 2010-м гг. В Литве соответствующие законодательные нормы приняли в 2008 г. (статья 188 Кодекса административных нарушений; ст. 5 Закона о митингах). Известны случаи наказания за соответствующие действия физических и юридических лиц (<https://lenta.ru/news/2012/06/21/ussr/>, <https://ria.ru/20131219/985263300.html>).

В Эстонии советскую символику хотели запретить с 2007 г. Согласно предложенным поправкам к Уголовному кодексу, под запрет попадали демонстрация и продажа атрибутов, связанных с существованием СССР, союзных республик СССР и Коммунистической партии Советского Союза. За нарушение предусматривались штрафы и административные аресты, а также лишение свободы до трех лет. Проект преодолел первое чтение в парламенте, однако канцлер права Эстонии (омбудсмен) А. Йыкс высказал мнение, что законопроект необоснованно ограничивает свободу выражения мнений, слишком расплывчато формулирует признаки действий, которые следует считать запрещенными (<https://ria.ru/20070124/59597587.html>). В 2016 г. Министерство внутренних дел Эстонии подтвердило отсутствие запрета коммунистической символики (<https://regnum.ru/news/2127761.html>).

В Польше коммунистическая символика была запрещена в 2009 г. Соответствующий закон предусматривал штраф или лишение свободы до двух лет за ее хранение, приобретение и распространение. В 2011 г. Конституционный

суд признал незаконным наказание за хранение и распространение символики. В 2016 г. был принят закон, запрещающий пропаганду коммунизма и любого другого тоталитарного строя, предполагающий, что никакие строения, дороги, улицы, мосты и другие объекты в публичном пространстве не могут носить напоминающие о коммунизме названия или символы. В 2017 г. президент Польши Анджей Дуда подписал поправки в закон о запрете пропаганды коммунизма, которые предусматривают снос советских памятников на польской территории.

Следующей в хронологическом порядке страной была Грузия. Там запрет коммунистической символики был законодательно закреплён в 2011 г. Однако первоначально этот документ не предусматривал наказания. Нормы, устанавливающие наказание, вступили в силу в 2013 г. За первое нарушение предусматривалось предупреждение, за последующее — штраф. На сегодняшний день неизвестно о каких-либо случаях применения закона.

В Молдавии закон, запрещающий использование коммунистических символов в политических целях, в том числе и во время избирательных кампаний, а также пропаганду тоталитарной идеологии, был предложен в 2009 г. и принят в 2012 г. За нарушение он предполагал штраф. Конституционный суд страны обратился в Венецианскую комиссию с просьбой оценить этот закон. Комиссия сообщила о нарушении статей Европейской конвенции по правам человека и отсутствии связи между тоталитарной коммунистической идеологией и символами «серп и молот». В июне 2013 г. Конституционный суд Молдавии признал неконституционным запрет коммунистической символики.

На Украине попытка запретить советскую символику была предпринята ещё в 2006 г. Тогда соответствующий законопроект не был рассмотрен. В 2015 г. приняты четыре закона из «декоммунизационного пакета», в том числе «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики». За пропаганду коммунистических (герб, флаг, а также гимн СССР) и нацистских символов предполагалось одинаковое наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет. Предполагалось, что в течение полугода с момента принятия закона на Ук-

раине должны быть изменены все названия городов, улиц и другие топонимы, связанные с коммунистическим режимом. Должны быть также демонтированы памятники коммунистического и фашистского режимов. В 2015–2016 гг. наказаний за использование коммунистической символики не было. Первый приговор был вынесен в 2017 г. (<https://baltnews.lv/news/20170517/1019785980.html>).

Последняя в хронологическом отношении страна, где был законодательно введен запрет коммунистической символики, — Болгария. Осенью 2016 г. там были одобрены поправки к закону о преступной природе коммунистического режима, принятому в 2000 г. Нормы запрещали использование в публичной сфере знаков и предметов, созданных в коммунистический период и восхваляющих бывшую коммунистическую партию и ее лидеров.

УСЛОВИЯ ПРИНЯТИЯ ДЕКОММУНИСТИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

Нами был выделен ряд условий, потенциально способных, как мы предполагали, повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики.

Первое условие — это опыт существования в качестве составной части Российской империи и (или) СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации [3]. Это отразилось не только на специфике институциональных традиций. В этих государствах сохраняется потенциальная открытость и несогласованность границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающиеся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам [3, 4]. Нерешенные проблемы национального и государственного строительства обуславливают использование при формировании идентичности «негативной» аргументации: отвержение символов, традиций, норм, носителем которых выступает или выступал бывший имперский центр. В этом смысле можно согласиться с оценкой законов о декоммунизации в этих странах как стратегического элемента «мнемотической безопасности», выполняющей функции демонстрации государственного суверенитета в сфере символической политики (<http://publica.pl/teksty/wojcik-memory-laws-and-security-62685.html>) [5]. Можно предположить, что данный

фактор будет особенно актуальным в условиях сохраняющейся угрозы государственному суверенитету, например в виде сецессий.

Второе условие — наличие традиций собственной государственности в XX в. Опыт самостоятельной государственности в XX в. имеет в этом отношении особое значение по следующей причине. В XX в. международное сообщество стало позиционировать себя как мировое. Именно в XX в. были выработаны во многом евроцентричные требования и нормы в отношении новых государств и разработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, в XX в. европейские страны наиболее отчетливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между автократическими формами и демократией), и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности и формирования нации в XX в., демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм и в целом некоторые черты организации власти межвоенного периода [6, 7]. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. Отсылка к этому опыту, его противопоставление более позднему периоду существования в составе СССР или даже в рамках Варшавского договора могут использоваться в качестве важного элемента преодоления институционального и символического наследия. Поэтому в качестве одного из гипотетических условий, способных в совокупности с другими повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики, мы использовали в нашем исследовании наличие самостоятельной государственности XX в., позволившей наработать собственный опыт институционального строительства и символической политики в области государственного управления, формирования нации и т. п. Среди государств, где был введен запрет на коммунистическую символику, таким опытом обладали страны Балтии, Польша, Венгрия и Болгария.

Третье условие — соотношение сил между режимом и оппозицией в переходный и последующий периоды. Как отмечал еще С. Хантингтон, реакция нового режима на прошлое

и соответствующие варианты развития событий зависят от модели трансформации старого режима и роли взаимодействий между основными политическими силами [8].

Эту идею довольно плодотворно, на наш взгляд, развивает Х. Вэлш. Она отмечает значимость такого фактора, как смена элит и расстановка политических сил в начале демократизации и на всем ее протяжении. В частности, особое значение имеют отказ сторонников старого режима от внутренних изменений и переговоров с другими политическими силами, а также потеря их влияния на политические события. Вэлш отмечает, что со временем отношение к прошлому режиму может стать инструментом в борьбе за власть, используемым для ослабления политических соперников. Этот фактор начинает играть особую роль, если сторонникам старого режима удастся внутренняя трансформация и они остаются популярной политической силой [9].

Х. Вэлш, несомненно, права в том, что в условиях, когда сторонники старого режима эволюционируют и остаются влиятельной политической силой, отношение к прошлому режиму может выступать инструментом в борьбе за власть, поэтому мы использовали этот фактор при анализе группы стран, введших запреты на использование коммунистической символики.

Четвертое условие — отсутствие конкуренции внутриэлитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества). Этот фактор имеет особое значение для определения природы конкурентной среды и необходимости использования символических действий в конъюнктурных целях для борьбы с соперниками. Кроме того, как показал М. Макфол, к переходу к авторитарному режиму в основном приводило доминирование сторонников старого режима [10]. Логично предположить, что эти силы вряд ли будут использовать запрет символов прошлого как инструмент политической борьбы.

Пятое условие — характер осуществляемых в переходный период после падения коммунистического режима реформ. В отношении некоторых других процессов, например институционального развития и преодоления институционального наследия прошлого, данный

фактор играет важную функциональную роль [4, 11]. В частности, для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилок», во время которых наиболее отчетливо проявляется влияние агентивных факторов [12–14]. Решения, принятые в период «критических развилок», их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов [15]. Поэтому данный фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных изменений. В нашем же случае (принятие запретительных норм) он имеет скорее символическое значение, косвенно указывая на намерение акторов преодолеть институциональное и, возможно, символическое наследие прошлого режима или сохранить его.

Опираясь на наши предыдущие исследования осуществления институциональных реформ [11] и на подсчеты Т. Фрая индекса институциональных и экономических реформ [16], мы разбили посткоммунистические страны на три группы в зависимости от характера институциональных реформ: с радикальными реформами, с высокой степенью институциональной преемственности и непоследовательными реформами. Первый вариант предполагает стремление к преодолению институционального наследия, второй — высокую степень его сохранения, а третий — сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределенности, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами.

И, наконец, шестое условие — это вхождение в Европейский союз. В данном случае факт вхождения в ЕС интересует нас не с точки зрения того, какие рамки это накладывает на страны-члены и какие возможности предоставляет, а в качестве свидетельства геополитического выбора государств. В 2004 г. в ЕС вступили Венгрия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Словения, Чехия. В 2007 г. к ним присоединились Болгария, Румыния, в 2013 г. — Хорватия. Молдавия, Украина и Грузия не являются членами ЕС, однако, имеют с ним соглашения об ассоциации, как и не входящие в ЕС страны бывшей СФРЮ и Албания.

СОЧЕТАНИЯ УСЛОВИЙ И ГРУППЫ СТРАН

Как показывает сравнительный анализ, принятие законодательства о запрете коммунистических символов в отдельных странах происходило под влиянием разной совокупности условий. Однако можно выделить и ряд общих характеристик, отличающих государства, где были введены соответствующие нормы.

Во-первых, большинство этих стран ранее входило в состав СССР или было частью Российской империи. Исключение составляют Венгрия и Болгария, которые, однако, входили в Организацию Варшавского договора и находилась в зоне влияния СССР. Кроме того, в 1956 г. в Венгрию были введены советские войска для подавления выступлений против коммунистического режима.

Во-вторых, все эти страны отличаются определенной степенью радикализма реформ, осуществленных после падения коммунистического режима. Реформы в этих странах носили либо радикальный, либо непоследовательный характер. Ни в одной из этих стран не реализовывался курс на сохранение старых институтов, пусть и в измененном виде.

В-третьих, объединяющим все эти страны условием является отсутствие доминирования одной политической силы на основе концентрации в ее руках ресурсов, позволяющих такое доминирование поддерживать длительное время. Все эти страны имеют конкурентные режимы, что предполагает возможность использования политики памяти как одного из действенных инструментов политической борьбы.

В-четвертых, объединяющая эти страны характеристика — это членство в Европейском союзе или договор об ассоциации с ним. Эти документы вступили в силу позже принятия законодательства о запрете коммунистических символов. Однако их подписанию предшествовал подготовительный этап. Сам факт их заключения свидетельствует об определенном геополитическом выборе этих стран.

Внутри группы стран, принявших запретительные нормы относительно коммунистических символов (как оговаривалось выше, мы условно относим сюда и Эстонию), можно выделить три подгруппы.

Первая подгруппа — наиболее гомогенная, это страны Балтии, Польша, для них характерно наибольшее количество общих условий.

Немалый опыт самостоятельной государственности в XX в., менее длительный по сравнению с рядом других посткоммунистических стран период коммунистического правления способствовали формированию благоприятных условий для принятия норм, запрещающих коммунистические символы. В этих странах и сегодня есть живые носители опыта политического развития докоммунистического периода. Для политической риторики этих стран характерна апелляция к опыту самостоятельного государственного и национального строительства.

Вторая подгруппа стран — это Украина, Молдавия и Грузия. Она также отличается относительной компактностью в плане сходства характеристик. Однако в этой группе несколько больше внутренних различий, чем в предыдущей, а также есть особенности, которые отличают ее от первой группы.

Для стран этой группы также характерна общая объединяющая черта — успешные сессии и соответственно нерешенный вопрос консолидации территориальных, национальных и политических границ. Причем речь идет об отделившихся территориях, официально признанных или получивших существенную поддержку Российской Федерации. Вторая объединяющая эту группу стран особенность — это произошедшие там «цветные» революции, которые фактически можно рассматривать как вторую попытку смены режима.

В третью подгруппу входят Венгрия и Болгария. По выделенным нами характеристикам Венгрия демонстрирует некоторое сходство с Чехией, в которой законодательство прямо не запрещает коммунистическую символику. Близка к ним по этим параметрам и Болгария, отличающаяся от них степенью радикализма реформ. Однако в Венгрии, Болгарии и Чехии были разные модели смены политического режима. Если в первой и второй в смене режима принимали активное участие левые силы и партии-наследницы, сохранившие свое влияние в дальнейшем, были организованы круглые столы, то в Чехии смена осуществлялась более радикальным способом. После «бархатной революции» была осуществлена люстрация. Эти события, а также проведение достаточно радикальных реформ и маргинализация коммунистической партии в Чехии отчасти сняли вопрос об институциональном и символическом коммунистическом наследии.

Пример Венгрии и Болгарии показывает, какое большое значение для принятия законодательства о запрете коммунистических символов имело обострение политической конкуренции и наличие «партии-наследницы». Во всех странах, где была запрещена коммунистическая символика, принятие соответствующих норм служило одним из инструментов политической борьбы и усиления влияния отдельных политических сил.

В отличие от большинства других стран, где была запрещена коммунистическая символика, в Венгрии не наблюдается прямой связи между выборами и принятием запретительных норм. Однако следует предположить, что, в отличие от 1993 г., когда запрет символики без санкций был закреплен в условиях относительного консенсуса основных политических сил по поводу смены режима и имел больше символическое значение, введение санкций за нарушение запрета в 2000 г. было скорее инструментом в политической борьбе, которую вели Венгерский гражданский союз Фидес и его лидер В. Орбан против своих политических соперников. В 2000 г. вступлением в Европейскую народную партию и Европейский демократический союз завершилось преобразование возглавляемой им партии из либеральной в консервативную. В. Орбан, возглавивший правительство после первой победы своей партии на выборах в парламент в 1998 г., стремился укрепить свою личную власть и власть партии, в риторике которой отсылки к прошлому коммунистическому режиму и связи с ним венгерских социалистов занимали существенное место [17]. Несмотря на то что следующие выборы прошли в Венгрии в 2002 г., логично предположить, что закрепление санкций за нарушение нормы о запрещении коммунистической символики могло также служить инструментом политической борьбы.

Пример Болгарии, где запрет законодательно был введен осенью 2016 г. в условиях противостояния между левой «партией-наследницей» БСП, которую ее соперники обвиняют в пророссийской ориентации, и евроориентированной партией ГЕРБ, на фоне президентских выборов, последующей отставки правительства, возглавляемого лидером ГЕРБа и соответственно — перспективы внеочередных выборов в парламент, на которых на первый план вышел «русский фактор» (<http://izbircom.com/2017/04/23/%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0>

%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D0%B4%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D1%85-%D0%BD%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%8F%D0%BD%D1%83%D0%BB/). Показательно в этом отношении, что при рассмотрении соответствующих норм в парламенте в первом чтении депутаты от социалистической партии покинули зал заседания в знак протеста.

Как отмечалось выше, первая страна, где была запрещена коммунистическая символика, — Латвия. Там запрет вступил в силу в 1991 г. под влиянием целого ряда ярких политических моментов, начиная с январского противостояния между демонстрантами, властями Латвии и советским ОМОНОм и заканчивая голосованием в парламенте за реставрацию довоенной независимости Латвии. Принятие закона происходило не только в атмосфере противостояния республики и советского федерального центра, но и в условиях значительных разногласий между коммунистической партией Латвии и другими политическими силами по вопросу о независимости.

В 2013 и 2014 гг. упомянутые выше поправки к законодательству были введены также под влиянием политического противостояния. Незадолго до этого партийная система Латвии претерпела изменения. В 2010 г. произошло объединение нескольких партий в более крупные, а в 2011 г. бывшим президентом республики была создана Партия реформ Затлерса, получившая второе место на внеочередных выборах. 2013 г. был насыщен различными политическими событиями — это и кризис в правящем блоке политических партий, и конфликт между правящим «Единством» и президентом по поводу отказа последнего утвердить отличающегося националистическими высказываниями министра обороны на посту премьер-министра, и победа представителя оппозиционного блока «Центр Согласия»/«Честь служить Риге», поддерживаемого русскоязычным меньшинством на выборах мэра латвийской столицы. К ярким событиям можно также отнести проведение в марте 2013 г. учредительного съезда Конгресса неграждан Латвии и выборов в парламент непредставленных (лишенных гражданства и права участвовать в выборах и референдумах), а также активную деятельность членов Конгресса неграждан и парламента непредстав-

ленных в международных организациях. И еще одно важное событие, уже 2014 г. — выборы в Европарламент и Сейм Латвии. На них активно обсуждалась тема влияния «руки Москвы». Противостояние перед выборами и выход на первый план разногласий по вопросам национально-государственного строительства также были актуализированы принятием «латышской» преамбулы конституции и заявлением правительства о ликвидации русских школ к 2018 г.

В Эстонии принятие поправок к Уголовному кодексу в 2007 г. происходило в атмосфере приближающихся выборов в Рийгикогу (представительное собрание народа Эстонии) и обострившихся споров вокруг памятника воину-освободителю в центре Таллина, перемещение которого началось в конце апреля 2007 г. и сопровождалось активным противостоянием сторонников и противников этого действия с участием полиции. Параллельно ряд эстонских партий в октябре 2006 г. предложили законопроект о защите воинских захоронений. Соответствующий закон был принят парламентом в январе 2007 г.

Принятие законодательных норм о запрете нацистской и советской символики в Литве также происходило на фоне приближающейся предвыборной кампании в Сейм и соответствующего обострения политического противостояния между левоцентристскими и правоцентристскими партиями. Как и в Венгрии, в Литве «партия-наследница» коммунистической партии активно участвовала в процессе демократизации и сохранила свое влияние в дальнейшем, что, как отмечалось выше, по мнению Х. Велш, является одним из благоприятных условий использования отношения к прошлому режиму как инструмента в борьбе за власть.

Закон о запрете коммунистической символики был подписан президентом Польши Лехом Качиньским в 2009 г., в предпоследний год президентства, когда перспектива его переизбрания на следующий срок не была очевидной. Принятие запретительных норм происходило на фоне политического сосуществования «Гражданской платформы» (партия большинства в парламенте и премьер-министр от партии) и «Права и справедливости» (президент — представитель партии). Напомним, что при Лехе Качиньском существенно обострились отношения между Россией и Польшей.

В Грузии соответствующие запретительные нормы принимались на фоне противостояния между президентом Михаилом Саакашвили и оппозицией, в атмосфере продолжающегося обострения противостояния между Москвой и Тбилиси и в преддверии парламентских выборов 2012 г., имеющих особое значение в связи с принятием в 2010 г. новой Конституции.

В Молдавии принятие соответствующего закона также происходило на фоне политического противостояния между коммунистами и правящим альянсом. С одной стороны, коммунисты объявляли бойкот парламентским заседаниям и проводили субботние акции протеста, а с другой, был закрыт подконтрольный коммунистам телеканал NIT. Этот период был также отмечен ослаблением Партии коммунистов в связи с выходом из ее рядов нескольких членов и дальнейшей борьбой между основными силами правящего альянса.

На Украине принятие антикоммунистических законов в апреле 2015 г. происходило под влиянием событий 2014 г. — начала 2015 г. и обострения отношений с Россией: расстрел Майдана и бегство Виктора Януковича, присоединение Крыма к России и война на востоке Украины, досрочные выборы президента и Верховной рады в 2014 г. Как отмечает М. Малксоо, синхронизация принятия данных событий наводит на мысль, что пакет этих законов — преимущественно стратегическая мера по обеспечению «мнемотической безопасности» в контексте сохраняющейся враждебности со стороны восточного соседа (<https://verfassungsblog.de/decommunization-in-times-of-war-ukraines-militant-democracy-problem>).

* * *

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на сходство некоторых характеристик (вхождение в состав СССР, Российской империи или коммунистический блок, та или иная степень радикальности институциональных реформ, отсутствие доминирования одной политической силы в политической жизни и ресурсов для поддержания доминирования, членство

в ЕС или договор об ассоциации с ним), совокупность условий, в которых произошло принятие законов о запрете коммунистической символики, несколько отличается в выделенных нами подгруппах стран. Введение норм о запрете коммунистических символов являлось инструментом политической борьбы. Особенно это проявилось в странах, где важная характеристика политического соревнования — противостояние между «партиями-наследниками» коммунистической партии и новыми политическими силами.

Факт принятия запретительных норм и их характер зависели не только от внутривнутриполитических разногласий и противостояния, но и от изменений на международной арене, в том числе в отношениях этих стран с Россией. Как отмечают У. Белаусау и А. Глисчинска-Грабиас, чем больше Россия дистанцируется от политики поиска консенсуса, чем активнее она навязывает свою версию прошлого, тем радикальнее государства, оказавшиеся жертвами советского доминирования, настаивают на своей версии истории [18]. Влияние изменений в российской политике памяти и в отношениях с Россией особенно явно прослеживается на рассмотренном нами примере стран, ранее входивших в состав СССР или Российской империи и либо имевших опыт самостоятельной государственности в XX в., либо испытывающих серьезные проблемы консолидации своих границ, в том числе по причине существования непризнанных или полупризнанных государств, возникших в результате сецессий.

В этих государствах нормативные ограничения по использованию коммунистической символики и другие декоммунизационные законы играли роль механизма демонстрации государственного суверенитета в сфере символической политики и формирования национальной идентичности. При этом, однако, подобные меры уменьшали возможности отдельных политических сил, политиков и граждан (что оценивалось некоторыми аналитиками и исследователями как ограничение демократических процедур [17]), а также осложняли формирование культуры и практик консенсуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2004. 283 p.
2. Kopysov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017. 338 p.

3. Мелешкина Е. Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций. *Политическая наука*. 2013;(3):10–29.
Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: Peculiarities of state and nation-building. *Politicheskaya nauka*. 2013;(3):10–29. (In Russ.).
4. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: монография. М.: ИНИОН РАН; 2012. 252 с.
Meleshkina E. Yu. Formation of new States in Eastern Europe: Monograph. Moscow: INION RAN; 2012. 252 p. (In Russ.).
5. Mälksoo M. ‘Memory must be defended’: Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*. 2015;46(3):221–237.
6. Stark D., Bruszt L. Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. New York, N.Y.: Cambridge University Press; 1998. 300 p.
7. Grzymala-Buss A. Redeeming the Past: the Regeneration of the Communist Successor Parties in East Central Europe after 1989. New York, N.Y.: Cambridge University Press; 2002. 341 p.
8. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Last Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press; 1993.
9. Welsh H. Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990. *Europe-Asia Studies*. 1996;48(3):419–428.
10. McFaul M. The fourth wave of democracy and dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-communist World. *World Politics*. 2002;54(1):212–244.
11. Мелешкина Е. Ю. Государственное строительство и институциональная трансплантация в посткоммунистических странах. *Политическая наука*. 2016;(4):186–213.
Meleshkina E. Yu. State-Building and Institutional Transplantation in Post-Communist Countries. *Politicheskaya nauka*. 2016;(4):186–213. (In Russ.).
12. Scharpf F. Institutions in comparative policy research. *Comparative political studies*. 2000;33(6–7):762–790.
13. Capoccia G., Kelemen D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism. *World Politics*. 2007;59(2):341–369.
14. Mahoney J. The legacies of liberalism: Path dependence and political regimes in Central America. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2001. 416 p.
15. Pierson P., Skocpol T. Historical institutionalism in contemporary political science: Paper prepared for presentation at the American Political Science Association Meetings. Washington, D.C.; 2000.
16. Frye T. Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. 296 p.
17. Palonen E. Political Polarisation and Populism in Contemporary Hungary. *Parliamentary Affairs*. 2009;62(2):318–334.
18. Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A. Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice. In: Law and Memory: Towards Legal Governance of History. U. Belavusau, A. Gliszczyńska-Grabias, eds. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
19. Marples D. R. Decommunization, Memory Laws, and “Builders of Ukraine in the 20th Century”. *Acta Slavica Iaponica*, 2018;(39):1–22.
20. Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации. *Политическая наука*. 2018;(1):148–172.
Meleshkina E. Yu. Rejecting symbols of the past: Impact of political conditions on de-communisation laws. *Politicheskaya nauka*. 2018;(1):148–172. (In Russ.).